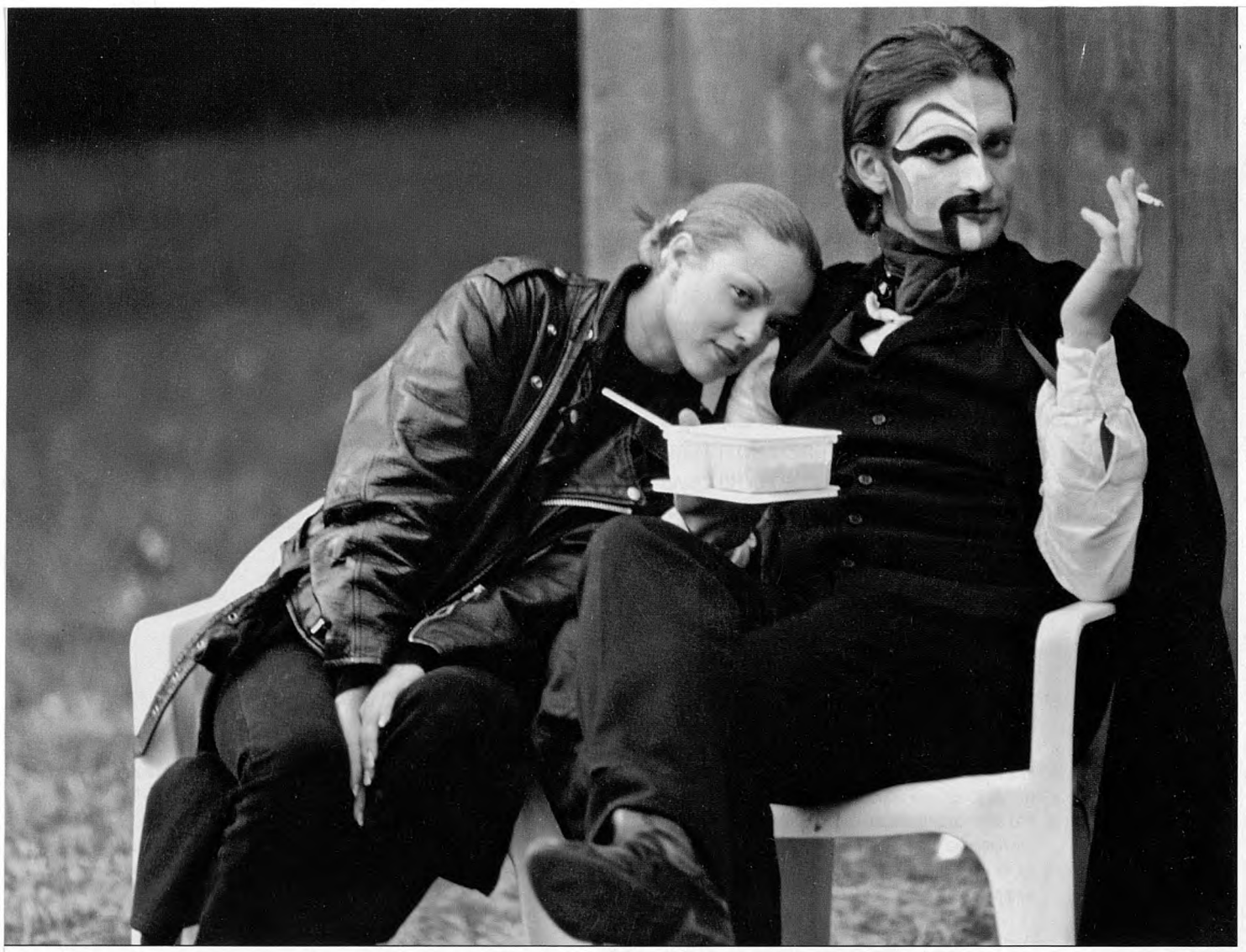

Если Наташа не была загружена работой, то отправлялась на съемки вместе с Александром, где следила, чтобы муж был вовремя накормлен и отдыхал.

— Кроме того, что вы были солисткой мюзикла "Чикаго", о вас практически ничего не известно. Танцуете и поете с детства?

— Да. До шестого класса я танцевала в детском коллективе, а в 14 стала участницей советско-американского музыкального спектакля "Дитя мира". Объехав с ним пол-Америки, я почувствовала себя маленькой артисткой, узнала театральную жизнь из-за кулис и расстаться с этим не могла.

— Отчего же не пошли учиться на музыкальный факультет?

— Я целенаправленно поступала в актерскую группу режиссерского факультета ГИТИСа с прикидкой на то, что когда-нибудь в будущем знания по режиссуре мне обязательно понадобятся. На прослушивания ходила по тем временам в безумном виде: кожаная косуха, драные джинсы, казаки. И когда все абитуриенты, трясясь перед коллоквиумом, пытались выучить последние страницы, я сидела на полу рядом с аудиторией, привалившись к стеночке, и думала: "Ну, меня это уже не спасет." Потом, учась, я узнала, что у педагогов относительно меня сразу сложилось единодушное мнение: эту нужно брать. Так в 16 лет я поступила на курс к Леониду Ефимовичу Хейфецу.

— Подписываясь на "Чикаго", вы учитывали то, что ежедневные репетиции и спектакли выдержит не каждый?

— Есть такая поговорка: артист не имеет права быть больным, он может быть только мертвым. На "Чикаго" действовала абсолютно бродвейская система: подписал жесткий контракт, значит, обязан работать всегда — с температурой, с зубной болью и т.п. А зритель не должен этого заметить.

— "Чикаго" закрылся. Чем занимаетесь сейчас?

— Репетирую в новом русском мюзикле "Двенадцать стульев" роль Эллочки-людоедки и роль мадам Грицацуевой — эта постановка предполагает совсем другое, нестереотипное видение всех персонажей. Кроме того, я занята в театральном проекте Павла Каплевича под названием "Резиновый принц", где режиссер Нина Чусова — просто ураган, и актерская компания отличная. Там я буду играть... куклу.

«В спектакле «Венецианский купец» Театра им. Моссовета я играла со сломанной рукой, в которую были вставлены три спицы. Артисты — сумасшедшие люди, для них, кроме профессии, ничего не существует».